

Судь скорый.

(Разсказъ изъ тунгусской жизни).

I.

Красное лѣтничко развернулось надъ тайгой всей неопи-суемой своей прелестью. Стояли ясные погожіе дни. Солнце рано вставало изъ-за пологихъ хребтовъ, поросшихъ пихта-ми, сосной и елью, разстилало по небу румяное покрывало и, медленно поднимаясь ввысь, наполняло радостной жизнью и дебри лѣса, и широкую долину большой сѣверной красавицы-рѣки. Тогда утренняя прохлада съ легкимъ вѣтеркомъ и туманомъ смѣнялась знойнымъ днемъ. Таежный воздухъ насыщался смолистымъ опьяняющимъ ароматомъ, долина рѣки благоухала запахомъ ромашки, полыни и мяты и отцвѣтающей черемухи. Тайга дышала полной грудью и дышали каждый цвѣтокъ и былинка, а на листкахъ и хво-яхъ блестяли алмазныя слезы, тѣ самыя, какими оросилась природа въ предутренній часъ молитвы.

Опускаясь вечеромъ въ широкій, между горъ, распадокъ, куда уходила рѣка, солнце зажигало край неба. Червоннымъ золотомъ вспыхивала кайма горизонта, загоралась вдали водная гладь, расцвѣтали розы на дремотно стоящихъ въ выси облакахъ, а далекія горы одѣвались въ одежды изъ чернаго бархата и, творя безъ звуковъ молитву, четко рисо-вались на златотканной парчѣ заката.

Такъ жаркій день смѣнялся вечеромъ, за нимъ шла сѣ-верная таежная ночь, иной разъ такая холодная, что за-крайки лѣсныхъ болотъ и мочежинъ покрывались тончай-шимъ стекломъ ледка, а трава и листья деревь—сѣдѣли и въ голубоватыхъ лучахъ луны казались вытканными изъ серебра.

На самомъ берегу рѣки, прижавшись къ густой стѣнѣ лѣса, стояла небольшая кое-какъ срубленная изба. Днемъ

ставни ея были закрыты, чтобъ не такъ пекло солнце; когда же спускалась на землю почъ, окна раскрывались, а внутри зажигался огонь. Въ раскрытыя окна порой вырывалась ругань и крикъ, порой разудалая пѣсня съ присвистомъ и гиканьемъ.

Иногда четверо, одинъ за другимъ, выходили ея обитатели, садились на краю обрыва, играли на гармоніи и пѣли. А то рассказывали какія-нибудь занятныя исторіи и громко, на всю тайгу, хохотали. И, слушая ихъ, хохотала тайга, и хохотали горы, разбуженныя весельемъ.

Изрѣдка эти люди спускались къ рѣкѣ, трое мужчинъ и женщина, одѣтая по-мужски, заходили въ воду съ неводомъ и принимались ловить рыбу.

Днемъ, одѣвъ на головы сѣтки, чтобъ комаръ не ѣлъ, косили траву, готовили на зиму единственной коровѣ сѣно, безцѣльно слонялись по тайгѣ, стрѣляли утокъ, а чаще, отъ нечего дѣлать, спали.

Въ праздники мужчины иной разъ устраивали попойки; напившись, дрались, разрывали въ лоскутки рубахи, а потомъ мирились и шли къ рѣкѣ замывать разбитые носы.

Такъ проводили они лѣто.

Маленькая эта избушка съ ея обитателями затерялась въ непроходимой тайгѣ, тысячами верстъ и бездорожьемъ отдѣленная отъ міра: сюда и воронъ-то залетаетъ рѣдко, здѣсь медвѣдь живетъ, да тунгусъ, тунгусъ да медвѣдь, да бѣлка съ горностаемъ и другіе звѣри. Да еще развѣ лѣній съ комарами и прочимъ гнусомъ.

А вотъ русскій человѣкъ изъ міра пришелъ сюда, изъ того далекаго-далекаго сказочнаго міра, не ꙗбоялся лѣшаго—пришелъ, сѣлъ, срубилъ избу и сталъ хозяйничать. Онъ умный, этотъ молодой, съ чуть пробивающимися усиками человѣкъ, онъ ловкій и сильный, всего привезъ съ собою, приплавилъ по водѣ сверху, всякихъ товаровъ, какихъ только надо и, главное, водки. Такой хорошій этотъ Борька, какъ свѣтъ стоитъ, никто сюда не заглядывалъ; тунгусъ на Ангару ходилъ за „покрутой“, за тысячу верстъ по тайгѣ, по звѣринымъ тропамъ, а теперь, слава Богу, тунгусу не надо заботиться, какъ раньше: все привезъ къ нему этотъ милый человѣкъ, дружокъ Борька.

Да онъ не одинъ пришелъ, а захватилъ съ собой двухъ парней-сподручныхъ, и еще дѣвушку Машу. Говорятъ сманили ея, насулили горы,—„поѣдемъ, женюсь, хозяйкой бу-

лешь“—дѣвку долго-ль сбить съ толку, а тутъ еще у Борьки черныя кудри и глаза большіе-большіе, печальныя, а лицо бѣлое и съ горбинкой носъ.

II.

Верстахъ въ тридцати отъ нихъ, внизъ по рѣкѣ, было стойбище тунгусовъ. Здѣсь жили три семьи, перекочевавшія изъ тайги на рѣку, гдѣ меньше гнуса, и есть долинки съ шелковой травой, хорошимъ для оленей кормомъ. Чумъ Конго, молодого и ловкаго тунгуса, стоялъ у самой рѣки, чумъ его брата Найканчи стоялъ повыше, а старикъ Унеканъ залѣзь выше всѣхъ, расположившись на полянкѣ въ лѣсу.

Онъ былъ большой задира и всегда буянилъ, когда напивался водки. Его толстогубое лицо было угрюмо и сосредоточенно, голосъ грубый и надменный, но глаза свѣтились нѣжными огоньками, и не было въ нихъ ни луча злобы.

Найканча съ братомъ были молоды, только что поженились, отчего лѣто казалось имъ особенно привлекательнымъ, улыбалось имъ солнце, а мѣсяцъ по ночамъ шепталъ имъ красивыя сказки.

Однажды утромъ, когда старикъ еще спалъ, изъ тайги съ радостнымъ крикомъ прибѣжалъ быстроногій Конго:

— Бойе ¹⁾, бойе... эй, спишь?.. Сохатый ²⁾ попалъ въ ямы... Слышишь, бойе...

Старикъ проснулся и, думая, что во снѣ погрезилось, лежалъ въ чумѣ и ждалъ.

— Эй, вставай... Идти надо, братъ надо, уйдеть...

Тогда съ пальмами ³⁾, ружьями и десяткомъ собакъ, пощипли, убили сохатаго, шкуру сняли, тушу разрубили на части и стаскали добычу домой.

— Однако огненной воды надо достать,—сказалъ старикъ. Такъ называли они водку.

Оба молодыхъ промолчали, только почмокали губами и долго сквозь зубы сплевывали, сидя у костра.

Старикъ Унеканъ пошелъ въ чумъ, чтобъ немножко от-

¹⁾ Бойе—человѣкъ, другъ, господинъ.

²⁾ Лось.

³⁾ Родъ рогативы.

дохнуть: очень усталъ на охотѣ за сохатымъ. Въ тайгѣ спать нельзя, мѣшаютъ комары, а въ чумѣ разложено курево изъ сухой травы, мху и шишекъ. Дымно, душно, но это ничего, дѣло привычное, можно прилечь, пососать трубку и сладко вздремнуть.

Онъ легъ поудобнѣе на оленью шкуру, закрылъ глаза и замурлыкалъ пѣсню о томъ, какъ сохатый—ноналъ въ яму, бѣдный, бѣдный, но Унеканъ не виновать, Унеканъ тутъ не причемъ, Богъ далъ, „гляди другой разъ подъ ноги. Яма?—а ты ее обойди, а ты не лѣзь въ яму, тебѣ развѣ нѣтъ другой дороги, и такъ и сикъ ходи, батюшка, ямы берегись, велика-ль она: вдоль изгороди шель? въ яму угодила?—зачѣмъ идешь вдоль изгороди, ломай ее рогами—и пройдешь, бей ее копытами—и пройдешь...“

Онъ пѣлъ вяло, не могъ подобрать красивыхъ словъ, если-же и находилъ ихъ, то языкъ не хотѣлъ выговаривать нужнаго, скучно сдѣлалось, тоскливо такъ, а рядомъ, у лѣваго уха, сталъ насвистывать что-то другой голосъ, лукавый и тонкій: шайтанъ, что-ли, выглядываетъ изъ щеля, комаръ, что-ли, завязилъ свой острый носъ и пищитъ, не можетъ вытащить?..

— А—гѣкъ, а—гѣкъ...—рычитъ старый тунгусъ, оттопыривая губы и чѣму то улыбаясь, и чувствуетъ онъ, какъ лукавый все ближе да ближе къ нему подступаетъ; вотъ залѣзъ въ него, вотъ къ сердцу пробирается, обжигаетъ внутри, словно уголькомъ горячимъ вкатился, и манитъ, и обѣщаетъ, и туманитъ голову..

— А—гѣкъ...—еще разъ рычитъ, чмокаетъ губами и обрываетъ пѣсню о сохатомъ.

Быстро, не по годамъ упругимъ движеніемъ вскочилъ онъ на ноги, ловко распахнулъ берестяную дверцу чума, вышелъ на воздухъ и частыми стройными шагами подошелъ къ костру, гдѣ сидѣла молодежь—Найканча съ Конго и ихъ жены.

— Однако надо-бы... а?—сказалъ онъ.

— Какъ не надо... Надо,—уловивъ его мысль, нерѣшительно отвѣтилъ Конго и, покосившись на свою жену, добавилъ:—Только далеко...

Всѣ тогда вразъ заговорили:

— Какъ, далеко... По рѣкѣ одна нюльга¹⁾, горой-пол-

¹⁾ Нюльга—однодневный переходъ на оленяхъ.

нюльги... Вѣдь ты, поди, тунгусъ, а не люча... ¹⁾ Тунгусу все близко...

Тогда Конго, смутившись, перевернулся животомъ внизъ и, роаясь въ землѣ сучкомъ, стыдливо лепеталъ:

— Маленько далеко, маленько близко...

Опять всё на него набросились, обзывали лѣнливымъ, русскимъ, лежебокомъ.

Конго вмигъ вскочилъ и сказалъ, улыбаясь черными глазами:

— Давай деньги. Пойду...

Захвативъ нальму и ружьишко, онъ бѣгомъ принустился вдоль рѣки по песчаному, покрытому мелкой галькой, приплеску. Рѣка шла здѣсь прямымъ и длиннымъ плесомъ. По берегамъ ея стояла стѣнной тайга и отражалась въ спокойныхъ водахъ вмѣстѣ съ небомъ и бѣлыми на немъ барашками облаковъ.

Пробѣжалъ Конго версту, пробѣжалъ, не останавливаясь, другую и третью. Бабы вышли на берегъ, щелкали отъ восхищенія языкомъ и долго провожали его, пока онъ не скрылся, совсѣмъ маленькій, едва примѣтный, за поворотомъ рѣки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ преградили ей путь цѣпи холмовъ.

III.

Еще не закатилось солнце, какъ вернулся Конго.

Онъ принесъ бутылку дрянного коньяку и двѣ бутылки водки, приготовленной изъ разведеннаго некипяченой водой спирту.

— Сколько заплатилъ? — спросилъ старикъ.

— Дян-тунго-делякѣ, пятнадцать.... Другъ послѣднюю отдалъ, вся... Ждетъ новой. Скоро приплавятъ сверху...

Тогда старикъ по русски, путая слова, забурчалъ:

— Шибко плутъ сталъ... Шибко мошенникъ. Берони Богъ, какъ... Пошто такъ дорого брать...

Бабы сидѣли возлѣ костра. Одна заводила изъ бѣлой муки въ берестяномъ чуманѣ тѣсто, другая суетилась со сковородой, доставала сохатинное сало изъ потока, приготавлиая печь оладыи. Она научилась этому прошлой зимой у Маши, „стряпки“ ихъ „дружка“ Борьки.

Надъ костромъ въ большомъ чугунномъ котлѣ, подвѣшенномъ на желѣзномъ крюкѣ, закипала вода съ положеннымъ туда сохатинымъ мясомъ.

¹⁾ Люча—русскій.

Найканча и старикъ лежали тоже около костра, посматривали на бабъ, на сковородку, гдѣ вкусно закипало сало и бухались комочки тѣста, превращаясь въ поджаристыя лепешки.

— Конго!—крикнула румяная Чочакъ своему мужу, щепавшему пальмой длинную палку изъ сухой лиственницы.

— Конго!—опять крикнула она,—не шайтанъ-ли заткнулъ тебѣ мохомъ уши?—и рассыпалась звонкимъ смѣхомъ:—слышишь? Тащи ягодъ..

И застрекотала своей подругѣ, рассказывая ей, какой хорошей сонъ видѣла прошлой ночью: будто пошла она стрѣлять бѣлку и вдругъ видитъ на деревѣ...

— А дрова-то какъ? Развѣ не надо?..— перебила ее Конго.

Но та, не слушая, продолжала тараторить, смѣясь и обтирая рукой потное лицо.

А старикъ говорилъ Найканчѣ:

— Ранѣ ружей и въ поминѣ не было... И народъ лучше былъ. Богатыри страшные.

Отхлебнули оба изъ чайныхъ чашекъ по небольшому глотку водки. Старикъ крикнулъ:

— Ну, бабы, скоро управитесь? Давай лепешки-то, давай мясо, давай чай... Чего морить: время!

Найканча сидѣлъ, обхвативъ колѣно и слушалъ, а старикъ продолжалъ:

— Изъ луковъ раньше стрѣляли... А стрѣлы,—добръ,—разныя были: каменные, желѣзные и изъ костей самого большого звѣря, который весь съ земли ушелъ. Пропалъ весь начисто.

Чочакъ мыла деревянныя ложки въ котлѣ, гдѣ варится мясо: пополощетъ ихъ тамъ, вынетъ и начинаетъ пальцемъ соскабливать надъ котломъ жиръ и грязь.

Жена Найканчи, гикая, бѣгала по тайгѣ и ловила оленюху, чтобъ надонть къ чаю молока, а Чочакъ звонко рассыпалась:

— Гей, бойе! Идите ѣсть.

Солнце уже закатилось за почернѣвшую стѣну тайги, потянуло сыростью, закурился туманъ надъ примолкнуей рѣкой, вдали, въ густыхъ заросляхъ лебедника крикали, гоняясь, утки, а на западѣ меркли краски зари. По угламъ вокругъ сидящихъ было разложено курево: четыре столба

дыма уходили ввысь и расплывались тамъ въ облака. Вблизи гудѣли рой комаровъ, и, когда они начинали беспокоить людей, вставалъ Конго, бралъ въ руки молоденькую срубленную сосенку и, бѣгая отъ курева къ куреву, ожесточенно махалъ ею, развѣвая по низу молочно-сизые столбы дыма. Тогда комары исчезали, выжидая, пока разсѣется дымъ.

Старикъ Унеканъ глодалъ громадную кость, обсасывая пальцы и то и дѣло вытирая руки о кудластые свои черные, съ просѣдью, волосы.

Одна бутылка выпита, достали другую.

Старикъ все жаловался на свою жизнь, на то, какъ обидѣлъ его Богъ, наславъ морь на оленей, олени попадали много-ли ихъ теперь? Если начать считать какъ слѣдуетъ, не насчитаешь и сотни, а раньше было ихъ у его отца и дѣдушки видимо-невидимо, никто и счета не зналъ, и всѣ олени были сытые, рослые, а теперь что? Поди, посмотри, одинъ дохлѣе другого. То кормовъ мало, моху не уродится, маслять не уродится, то муха навалится вредная, развѣдаетъ рога и ноги, заводятся въ ранахъ черви, и оленидохнуть. А шаманы стали плохіе, никакой силы въ нихъ не стало, не то, что раньше. Эхъ, что и говорить! Олени что жъ, олени ничего, олени туда-сюда... А вотъ жену жалко, отца жалко, дѣтей жалко, всѣхъ слопала оспа, такое лихолѣтье выдалось, много тогда тунгусовъ сжила эта самая болѣзнь со свѣту. И вотъ остался онъ сиротой. Съ молодыхъ лѣтъ остался. Одинъ, да одинъ. Все одинъ, всю жизнь одинъ, старикомъ сталъ, помирать скоро, а все одинъ.

— Это больно не хорошо, это больно плохо... Борони Богъ, какъ,—заключаетъ онъ, опускаетъ низко голову и долго сидитъ молча, а по щекамъ его катятся слезы.

Конго подаль чашку съ водкой:

— Пей, бойе...

И бабы кричатъ:

— Пей, бойе, пей...—лепешками его угощаютъ, сулихтой ¹⁾ потчуютъ...

¹⁾ Сулихта—копченое, мелкоизрѣзанное сохатиное мясо.

IV.

По мѣрѣ того, какъ водка убывала, лицо старика становилось все шире и шире, глаза обращались въ узенькія щелочки, а толстыя, лоснящіяся отъ сала губы, то подбирались колечкомъ, словно хотѣли поцѣловать сидѣвшую рядомъ Чочакъ, то вытягивались смѣхомъ чуть не до ушей, и тогда старикъ, сюсюкая, хихикаль, крутилъ головой, махалъ весело руками, а глаза его совсѣмъ исчезали съ лица, и только лишь лучистыя складки кожи изобличали то мѣсто, гдѣ они притаились... Вотъ—вотъ блеснуть...

И мысли въ головѣ стараго Унекана потекли инныя, радостныя и пріятныя.

У него, слава Богу, и оленей много, и всѣ они здоровы и сыты, толсту-у-щіе, и есть, слава Богу, много пушнины—лабазъ ломится, и шаманы, борони Богъ, какіе сильные, много сильнѣй и смышленѣй прежнихъ. Раньше, что? Ха! раньше—тьфу! Жены нѣтъ—это „ничего, куда ему... дѣтей нѣтъ—это ничего, проживетъ и такъ, одному легче, самъ себѣ голова, всталъ, пошелъ. За то собаки есть: Омкó, Биря, Урядникъ, Камса... И онъ ихъ любитъ пуще всего. Особенно Урядника: самый лучший песъ, съ нимъ не пропадешь, хозяина не выдастъ. Онъ всѣхъ любитъ, онъ все любитъ: вотъ дымъ курится—любитъ, комаръ жужжитъ и сѣлъ на носъ—любитъ и комара, утка крякнула: „Ахъ, утка, ты, моя утка.“—Все любитъ и сейчасъ запоетъ русскую пѣсню, которую онъ перенялъ у своего дружка Борьки:

„Выдѣлидапарисяки выдѣлидапабисятри“...

Онъ значенія произносимыхъ имъ словъ не понималъ, но ему нравилось, что такъ смѣшно и складно выходитъ, что вотъ онъ перенялъ таки эту пѣсню, а ни Конго, ни Найканча ничего такого не знаютъ, ха-ха!

И старикъ поетъ эту фразу и разъ, и другой, и пятый, до тѣхъ поръ поетъ все на одинъ ладъ, пока она всѣмъ, а прежде всего самому пѣвцу, не наскучитъ... Тогда онъ, утирая рубашкой капли пота на лицѣ, говоритъ по-русски:

— Больно шибко хорошъ пѣсня... Борони-и-и Богъ...

Винцо помаленьку убываетъ. Бабы тоже выпили по чашкѣ коньяку и еще норовили выпить, но мужики отняли.

Старикъ клевалъ носомъ, бормоталъ какія-то слова и время отъ времени что-то ловилъ руками въ воздухѣ.

Вотъ и звѣзды разсыпались по небу, въ тайгѣ стало темнѣть.

Старикъ поглядѣлъ вверхъ, подмигнулъ звѣздочкѣ, погрозивъ ей пальцемъ, и захохоталъ. И всѣ захохотали: и Конго, и Найканча, и обѣ женщины.

Старикъ закашлялся, опять захохоталъ, потомъ заплакалъ. И въ его воѣ слышался мотивъ только что пѣтой имъ русской пѣсни.

Онъ плакалъ и все глядѣлъ въ небо, и, плача, говорилъ шепотомъ, растягивая слова, кому-то грозясь, кого-то порицая, и лицо его стало серьезнымъ; онъ указывалъ вверхъ пальцемъ и разсуждалъ съ участливо слушавшей его рѣчи звѣздой.

А кругомъ его все еще раздавался смѣхъ.

Старикъ вдругъ смолкъ, поглядѣлъ сонливо запавшими, чужими глазами на друзей, медленно потянулъ руку къ головѣ Конго, сгребъ его за косу и сталъ пригибать къ землѣ. Тотъ вырывался, все еще улыбаясь, но старикъ, какъ слѣдуетъ вцѣпилъ въ его волосы уже обѣими руками и хрипло крича:—Г-г-г-а-а-а...—возилъ Конго по землѣ. Тогда Конго, переставъ улыбаться, тоже уцѣпилъ въ волосы старика, и такъ они оба катались возлѣ костра и кричали что-то гортанными голосами.

Въ Конго вцѣпилъ Найканчи, въ него—жена Конго—Чочакъ, въ нее—жена Найканчи. И всѣ, изобразивъ конну пыhtящихъ и лѣниво барахтающихся тѣлъ, теребили другъ друга за волосы, царапали лица, бабы повизгивали, мужчины гыкали, а старикъ Унеканъ, очутившись внизу, выпустилъ изъ рукъ космы Конго и, скверно ругаясь порусски, поровиль какъ-нибудь выползти изъ подъ живой шишащей и плюющей кучи.

Двадцать двѣ собаки, сбѣжавшіяся на шумъ и видя знакомую картину, заливались радостнымъ лаемъ, скакали, какъ угорѣлыя, сшибая другъ друга, и теребили за одежды своихъ хозяевъ, притворно ворча и присѣдая на заднія лапы.

Унеканъ, наконецъ, выползъ, всталъ, весь мокрый, на ноги, побѣждалъ зачѣмъ-то къ чуму, опрокинулъ тамъ въ чумагѣ тѣсто, опять выскочилъ, перевернулъ съ своимъ добромъ три потокуя, схватилъ срубленную Конго кудрявую сосенку и, сунувъ носомъ, принялся ею возить съ размаха невѣрными пьяными ударами то по кучѣ тѣлъ, то по угасавшему костру, подымая тучи пепла.

При каждомъ ударѣ онъ кричалъ и, взвизгивая истерически, кричалъ:

— А-гѣкъ! А-гѣкъ... А, шайтанъ... Тебѣ мало?! А-гѣкъ!

Всѣ вразѣ остановились, поглядѣли на него и другъ на друга дикими глазами, поправили волосы и, тяжело дыша и отдуваясь, принялись опять хохотать.

Сначала захохотала Чочакъ и все спрашивала, кто ее такъ больно ущипнулъ.

— Не ты-ли, Конго?—и легонько пнувъ его ногой, засмѣялась пуще, играя влажными огнями своихъ лукавыхъ глазъ.

— Однако, ты?..

Лицо старика передергивала еще не утихшая пьяная злоба, лѣвый глазъ прыгаль, то закрываясь, то открываясь, и непослушно косился ротъ. Онъ, тяжело сопя, подскочилъ къ улыбавшемуся Конго и молча треснулъ его кулакомъ въ глазъ.

Конго всплеснулъ руками, закрывъ ими лицо.

— Это ничего, — равнодушно сказалъ старикъ и, сѣвъ возлѣ Конго, похлопалъ его по плечу.

— Надо-бы еще выпить... Чочакъ, есть огненная вода-то, ноги, осталась?

Но та, смывая слюнями кровь на цыпінкахъ своей голой ноги, быстро-быстро затараторила:

— Ха-ха-ха... А гдѣ-бы тебѣ Чочакъ взяла огненной воды, гдѣ? Ну, скажи, старикъ, гдѣ? Скажи мнѣ, я сейчасъ принесу. Я птичкой туда летаю, обернусь птичкой и полечу. Только укажи дорогу... То-ли на лабазъ, то-ли въ чумъ... Что-же ты молчишь, говори, старикъ, говори, гдѣ?.. Ха-ха-ха... Молчишь, а?.. Самъ все выпилъ, намъ ничего не далъ, ледяные твои глаза... Ну ладно, зло улетѣло у меня, давайте спать..

Вина больше не было, сонъ наваливался, стали укладываться на ночлегъ тутъ-же у костра. Въ чумѣ душно, здѣсь свѣжо и горитъ веселымъ огнемъ костеръ. Комары? Но они тоже, можетъ быть, выпили водки, они уснутъ. А если и попьютъ маленько крови—пусть. Всѣ уснутъ крѣпко и будутъ видѣть хорошіе сны. Медвѣдь придетъ? А собаки... Да развѣ онъ подустягъ звѣря... Эй, Урядникъ, Камса, фють!.. Олени не бродягъ возлѣ... Оронъ, оронъ ¹⁾, въ лѣсъ не ходи... Боллѣй, звѣриный хозяинъ - батюшка, береги ихъ, карауль, ба-

¹⁾ Оронъ—олень.

тюшка. Добрый духъ, свѣтлый, а ты стой тутъ, чего тебѣ, сторожи, батюшка, свисти шибче, гикай, кукшей реви, сядь на лѣсину, сядь на лѣсину да реви: гони всѣхъ въ „черный день“...

Укладываются и все говорятъ, все говорятъ, потомъ умолкають.

Только Чочакъ не хочетъ молчать. Она сидитъ у костра, смотреть, какъ переливаются серебромъ и золотомъ угольки. Глаза задумчивы, дрожать пушистыя рѣсницы, черныя косы въ бисерѣ разметались по огненно-красной въ лучахъ костра рубахѣ, а смуглыя щеки рдѣютъ румянцемъ, и яркія маленькія губы трепещутъ отъ милыхъ, такихъ родныхъ сердцу, словъ рѣсни, которая льется и звенитъ, и летитъ надъ рѣкой, въ лѣсъ, въ горы, въ небо, гдѣ звѣзды ходятъ табунами, и слушаетъ, улыбаясь, мѣсяць.

Она поетъ:

„Вотъ солнце утромъ покажетъ изъ-за деревьевъ свое темя, тогда Конго пойдетъ къ дружку. Какъ только свѣтъ бѣлый будетъ, Конго побѣжитъ стрѣдой къ дружку. Конго ловокъ и силенъ. Онъ скачетъ, какъ олень, когда за нимъ гонится смерть. Онъ принесетъ вина сладкаго—сладкаго, какъ сахаръ. Чочакъ любитъ сахаръ. Чочакъ красивая. Она, пожалуй, пойдетъ съ Конго. Имъ будетъ дорогой весело. А у дружка ихъ угостятъ самымъ сладкимъ виномъ, отъ котораго загорятся глаза и захочется цѣловаться и плакать“.

Долго она пѣла звенящимъ своимъ серебрянымъ голосомъ. Старикъ уже спалъ, обхвативъ крѣпко Конго. Дремали, растянувшись на оленьей шкурѣ, Найканча съ женой, а Чочакъ пѣла чуть не до разсвѣта, то подползая къ мужу и глядя его волосы, то вскакивая и принимаясь припрыгивать и бесконечно повторять только одно слово:

— Ёхор-ёхор-ёхор-ёхор...

V.

На заимкѣ у торговца съ часу на часъ ждали сверху шитикъ ¹⁾ съ товарами. Разсчитывали приплыть по большой водѣ, за льдомъ слѣдомъ. Вотъ ужъ июнь начался, вода скатывается быстро, скоро появятся въ рѣкѣ мели, а шитика не видать.

¹⁾ Шитикъ—крытая большая лодка.

Наступило время охоты за сохатымъ, тунгусы изъ ближнихъ мѣстъ: и Буркіуль, и Рыньчай, и Чуччу съ Васильемъ давно ужъ навѣдываются у своего дружка, Борьки, плыветь-ли его братъ, Гришка: порохъ весь вышелъ, свинець весь вышелъ, надо сохатаго промышлять, а ничего нѣтъ, пистоновъ нѣтъ, дроби нѣтъ. Кланяются Борькѣ, просятъ: „дай, сколько хочешь, бери, только дай, ради Бога дай“. Въ ногахъ у него не валяются. Нѣтъ, отъ тунгуса этого не жди, тунгусъ знаетъ себѣ цѣну, и знаетъ цѣну торговому: мошенникъ, больше ничего.

Они прямо ему говорятъ, въ лицо говорятъ:

— Ты плуть, Борька... Шибко мошенникъ сталь...

Борька въ отвѣтъ мигаетъ, хохочетъ и угощаетъ тунгусовъ водкой. Пьютъ и все мягче становятся. Глаза изъ свергающихъ гнѣвомъ превращаются въ покорные и полные тоски.

— Ты, другъ, не обижай насъ... Пошто такъ?.. не славно...

— Да вѣдь дешево беру, гдѣ найдешь дешевле?..

— Дешево бралъ, а пошто писалъ лишку?.. Пошто расписка вралъ? Плуть...

Борька божится, иконы цѣлуетъ, на стѣну лѣзетъ, увѣряя тунгусовъ, что большой убытокъ взялъ, товаръ подмочилъ, доставка дорога, за пять тысячъ верстъ товаръ гналъ, развѣ эта шутка, а народъ худой нынче пошелъ, все пьяницы, хозяйское добро не берегутъ: плыветь на плоту и нарочно норовить какъ-бы на мель затесаться. Вотъ бѣлку дорого купилъ, цѣна въ городѣ упала, опять убытки. Нѣтъ, Борька уйдетъ отсюда, совсѣмъ раззорился, это что-же такое, прямой раззоръ, и за что его зовутъ мошенникомъ и плутомъ. Онъ всей душой норовить, а его ругаютъ.

Говорить такъ Борька, а самъ, знай, подливаетъ водки.

Глаза тунгусовъ становятся ласковыми, рѣчи спокойными. Цѣлуютъ Борьку и говорятъ ему:

— Ты, другъ, не уходи... Живи... Пошто такъ... Тоскли-и-иво, какъ уйдешь... Борони Богъ, какъ...

— Нѣтъ, уйду, — говоритъ Борька, — вотъ проторгую годъ, долгъ соберу и поминай какъ звали.

Тогда всѣ вразъ кричатъ:

— Пошто: поминай, не надо: поминай!.. Живи...

И потомъ:

— Давай, другъ, пистонъ, дѣлай милость, давай.

— Ей Богу, нѣтъ...—божится Борька,—ей Богу, только себѣ коробку оставилъ...

— Дѣлай милость, давай.

— Ну такъ и быть по двѣ копѣйки штука уступлю.

— Ха-ха... Двѣ копѣйки... Двѣ копѣйки, что... Двѣ копѣйки—тѣфу!.. Только, пожалуста, давай... Все кончалъ, порохъ кончалъ, головой все... Чисто.

Борька отсчитываетъ имъ по сотнѣ пистоновъ, пишетъ по пяти рублей въ книгу.

— А когда Гришка прибѣжитъ?

— Скоро...

— Ну, прощай, другъ... Завтра придемъ. Мы близко... Тамъ, тайгамъ гулялъ...

И разбредаются до завтра по тайгѣ, держа въ зажатыхъ ладоняхъ добытые такой цѣной пистоны.

И такъ изо дня въ день: то одинъ чумъ придетъ, то другой, то цѣлое стойбище.

А Гришки все нѣтъ.

Маша, румяная, маленькаго роста, дѣвушка, каждый день одѣвала корсетъ, купленный Борькой, завивала темные волосы, одѣвала голубенькое, съ бѣлой тесьмой, платье и чаще всѣхъ сбѣгала съ крутого берега къ водѣ, шла по приплеску въ самый изгибень рѣки, залѣзала тамъ на вершину высокой, стоящей у берега сосны и подолгу смотрѣла въ ту сторону, откуда долженъ показаться шитикъ. Она тосковала по своему дому, по подругамъ и парнямъ, а пуще по отцѣ съ матерью, и все ждала хоть какой-нибудь вѣсточки, которую вотъ-вотъ привезетъ Гришка.

А Гришки все нѣтъ.

И Маша, сидя на соснѣ, затягиваетъ пѣсню, тоскливую и протяжную, а сама все смотреть въ даль, смотреть и поеть, и не замѣчаетъ, какъ вдругъ хлынуть слезы и скроютъ изъ глазъ и рѣку, и тайгу, и солнце. Тогда Маша, прислонивъ голову къ смолистой соснѣ, начинаетъ, не узнавая и пугаясь своего голоса, выть.

Борька дома кричить:

— Ты, чортъ, опять ревѣла?!

— Нѣтъ...

— А почему бѣльма распухли и морда красная? Стосковала-лась?

— Меня, Боря, комары...

— Комары?! Вотъ тебѣ комары, а вотъ тебѣ мошки...—за-ревѣлъ и далъ ей двѣ пощечины.

Маша взвизгиваетъ и, сбменя ногами, бѣжитъ въ свой уголь, валится животомъ на кровать и, рыдая, стонетъ:

— Безсо-о-вѣстный... Уйду...

— Никуда ты не уйдешь... Куда ты, сука, можешь отсюда уйти...

И Маша замолкаетъ, зная хорошо, что уйти отсюда некуда.

VI.

Вчера къ торговому прибѣжалъ Конго, взялъ вина.

Борька былъ увѣренъ, что Конго завтра опять придетъ за водкой, и радовался, что вышелъ изъ тайги Унеканъ, старый и честный тунгусъ: у него всегда много пушнины, онъ первый стрѣлокъ, бьетъ бѣлку прямо въ глазъ, а много-ль старику надо, чтобъ не пропасть съ голоду, совсѣмъ бездѣлицу, ему только вина давай побольше, весь промыселъ на вино ухлопаетъ, сколько запросишь, столько и заплатитъ, за деньгами не гонится.

Какъ предполагалъ Борька, такъ и вышло. Сегодня къ обѣду, дѣйствительно, опять прибѣжалъ Конго:

— Давай, другъ, вина... Все кончалъ... Много давай... Маленько много...

— Вина? ладно... А что это у тебя щeka-то?

Конго стыдливо прикрылъ рукой распухшую щеку и, бѣгая глазами, молча сѣлъ въ уголь, подъ образа.

— Дрались?

Конго, запинаясь, отвѣтилъ:

— Маленько... тыкалъ... мордамъ...

— Кто? Старикъ?

— Кто болѣ, онъ... Маленько...

— Чего дѣлили, чего мало стало?—скалить зубы Борька.

— Вѣра такой...

Больше ничего не могъ добиться торговый отъ Конго. Впрочемъ, на прощанье Конго сказалъ:

— Маленько мирно... Мирилъ...

— Помирились?—переспросилъ вышедшій провожать его Борька.

— Мирились, другъ, мирились...

Торговый взялъ двухъ собакъ: одноглазую Пальму и трехногаго Ушкана, взялъ ружье и направился, вмѣстѣ съ Конго, по таежной тропѣ.

Съ версту прошли, какъ вдругъ услышали позади себя: аукаль и кричалъ женскій голосъ.

— Марья бѣжитъ... — остановился торговый, вскинулъ ружье и выстрѣлилъ.

— Ау-ей!..—послышался въ отвѣтъ ея крикъ.

— Однако, прѣехали,—сказалъ Борька и повернулъ назадъ.

— Однако, прѣехали,—вопросительно повторилъ Конго, поворачивая за нимъ.

Изъ подъ горы, гдѣ журчалъ ключикъ, подобравъ висою юбку, бѣжала, суча локтями, Маша, и, какъ торговый ни окликалъ ее, стараясь скорѣй узнать, въ чемъ дѣло, она бѣжала и бѣжала ему навстрѣчу, перескакивая чрезъ колодины, вся радостная и взволнованная, бросилась Борькѣ на шею и, задыхаясь, сказала:

— Гриша прѣехалъ... Охъ-охъ... Письмо привезъ мнѣ... Пойдемъ, пойдемъ скорѣй, Боря...

— Ну, прощай!—наскоро бросилъ Борька тунгусу.

— Ну, прощай!—отвѣтилъ тотъ, улыбаясь.

Пробѣжавъ шаговъ десять, Борька остановился и позвалъ:

— Конго!..

Но того уже не было видно. Торговый вскинулъ ружье и выстрѣлилъ въ воздухъ. Собаченки, прыгнувъ и насторожившись, осматривали сучья деревь: нѣтъ-ли гдѣ бѣлки. Вдали шелкнулъ отвѣтный выстрѣлъ Конго. Борька еще выстрѣлилъ и побѣжалъ къ нему. Навстрѣчу, безъ тропы, прямо черезъ тайгу, вмахъ летѣлъ обратно Конго.

— Конго!—крикнулъ Борька.

Тотъ остановился.

— Толкуй Унекану, чтобъ шелъ завтра сюда на оленяхъ. Пушнины тащите больше!.. Самъ приходи, слышишь?!

— Говорю, бойе, говорю!.. Ладно, дожидай, бойе!.. Какъ не придемъ, придемъ!..

— Ба-а-бъ, бабъ берите!!

— Бралъ, бойе, бралъ!

А Маша кричала хозяину:

— Пойдемъ... Да Бо-оря-же!..

Торговый веселымъ сталъ, ему хотѣлось на прощанье пошутить со своимъ сверстникомъ Конго.

Онъ, смѣясь, крикнулъ:

— Слушай-ка, Конго!..

— Ну?

— Баба-то у тебя добрая, Чочакъ-то?

— Борои-и-и Богъ...—захрипѣлъ тотъ, тоже смѣясь.

— Спишь съ ней? Ха-ха-ха!

— Ха-ха... Какъ не спишь... спишь?... Чего болѣе-та... Ххе...

— Захватывай!. Кольцо подарю ей... Подарка дѣлать,— коверкая „для ясности“ слова, прокричалъ Борька и пошелъ къ Машѣ, тихонько спускавшейся съ горки къ ручью.

— А-гый!—гикнулъ гортанью Конго, начавъ рокочущей нотой и кончивъ тонкимъ ястребинымъ голосомъ, и опять, пустился къ себѣ, держа въ рукѣ единственную бутылку водки, добытую у торговца.

VII.

Гришка привезъ съ собой въ приказчики брату какого-то пропоицу верзилу Оглашеннаго, человѣкъ пять рабочихъ и сѣрую кобылу, купленную имъ въ одномъ попутномъ селѣ: Борька очень нуждался въ лошади сѣно возить, самому верхомъ прокатиться, бревна заготовлять къ зимѣ: собирался строить новый домъ, получше и потеплѣй срубленной наспѣхъ избушки.

Оглашенный былъ саженнаго роста дѣтина, съ тупымъ взглядомъ оловянныхъ глазъ, безбровый, безбородый, уса-тый человѣкъ, прошедшій огонь и воду. Во всей его фигурѣ было нѣчто звѣриное, вызывающее страхъ. Говорилъ онъ густымъ осипшимъ дикимъ басомъ. Пиджачишко его не по росту узокъ, съ короткими рукавами, штаны широки и стары съ заплатами и прорѣхами, изъ конхъ сквозило нагое тѣло, давно не знавшее бани.

Во время обѣда, когда изрядно „на радостяхъ“ подвыпили, Борька, между прочимъ, сказалъ:

— Ребята!.. А знаете что?—и обвелъ всѣхъ смѣющимся полупьянымъ взглядомъ.

— Давайте-ка завтра тунгусовъ судить. Идетъ?

Верзила прохрипѣлъ:

— Идетъ... Это мы можемъ. По тунгусамъ я хаживалъ... Всякія явленія пустить могу.

Борька обрадовался:

— Да? Ну, это добро... Такого человѣка намъ надобно.. Такой человѣкъ всегда въ тайгѣ полезенъ...

Долго сговаривались, какъ это все устроить, шумѣли и пили вино, обдумали все какъ слѣдуетъ, хохотали и пѣли цѣловались и ссорились, мирились и плакали и жаловались

другъ другу, какъ скучно жить, какъ тяжело жить, и если бы не вино, надо-бы лѣзть въ петлю, вино все уноситъ, вино даетъ покой человѣку, а потому надо пить, и пили, и плакали, и ссорились, пока наступилъ разсвѣтъ.

Борькѣ было жаль тунгусовъ: онъ любилъ Конго, и любилъ Чочакъ, которую зналъ еще дѣвочкой. Ему первому принадлежитъ ея любовь, и вотъ она завтра придетъ сюда, и опять будетъ его женой, Конго напьется пьянымъ, а онъ, Борька, царь и богъ, онъ будетъ цѣловать Чочакъ въ ея маленькія губки, будетъ говорить ей сказки, играть на гармоніи и пѣть пѣсни. Маша? Машу приберетъ, прогонитъ къ брату, прогонитъ къ рабочимъ:

— Ребята, хошь?

А Маша стоитъ трезвая, прислонясь къ косяку двери, стоитъ, вся, какъ снѣгъ, бѣлая, скрежещетъ зубами, шатается, въ глазахъ темно. Шепчетъ:

— Чортъ, Борька, чортъ... Окаянный чортъ...

Прикрывается фартукомъ и бѣжитъ въ кухню, опять валится на кровать и, уткнувъ голову въ подушку, начинаетъ голосить.

А тамъ, въ комнатѣ, слышится смѣхъ, и слышится ругань, самая скверная, и рассказы, самые скоромные, безудержные. И все это покрывается хохотомъ Оглашеннаго, силнымъ, надсаженнымъ, страшнымъ.

— Мамынька... Вызволи меня... Мамынька...—убивается Маша. Но знаетъ она, что нѣтъ отсюда выхода. Куда уйдешь, кому скажешь? Некому. Кругомъ безлюдье, на тысячи верстъ одна, куда не кинься—одна.

Борька сидитъ, обхвативъ руками кудрявую свою голову, плачетъ и говорить:

— Жаль... Мнѣ жаль... Вотъ какъ жаль ихъ...

— Кого?—хрипитъ Оглашенный.

— Тунгусовъ жаль... Проклятые вы всѣ...

— Тунгусовъ?

— Да, тунгусовъ... Убѣжалъ-бы... Да куда?.. Куда?.. Батяка послалъ... Убѣтъ...

— Чего ихъ жалѣть, кого жалѣть-то... Тунгусъ развѣ человѣкъ?... Тунгусъ—звѣрь... Звѣрь и звѣрь...

— Самъ ты звѣрь... Толстобрюхий этакій... А я люблю ихъ... Люблю... Сволочи вы всѣ... Окаянные вы всѣ... Живорѣзы...

Сидитъ пьяный и плачетъ. Слезы текутъ неудержимо,

и онъ ничего не видитъ, кромѣ Маши, кромѣ Чочакъ и стараго Унекана, котораго завтра онъ, Борька, окаянный Борька, хриstopродавецъ Борька, будетъ дурачить и обижать. А почему? Да жить скучно... А Чочакъ?.. Милая Чочакъ?.. Дѣвушка, женщина, желанная, дорогая Чочакъ... Радость тихая.. Улетѣль-бы съ тобой, ушелъ-бы на край свѣта.. Эхъ, уйду, Чочакъ... дорогая Чочакъ..

Плачеть и сидитъ. А всѣ, валяются подъ лавками. Спать пьяные, грязные, храпятъ, и уста все еще твердятъ срамныя рѣчи.

Только Оглашенный не спитъ. Сидитъ, суется носомъ и дожидаетъ, когда свалится подъ столъ новый хозяинъ. Можетъ быть, удастся пощупать его карманъ.

Къ Оглашенному подходитъ старикъ рабочій и говорить, встряхивая желтой бородой:

— Пойдемъ-ка, паря, взглянемъ на шитикъ, не угнало-бы вѣтромъ: ишь, верховка начинается.

Пошли. Свѣтло было. Пташки уже пробудились. Изъ-за горъ выползали лохмы тучъ, и дымилась вдаль вершина высокой каменной сопки.

Волны шлепались о бортъ шитика, вѣтеръ колыхалъ парусинную на немъ палатку, рѣка была покрыта мелкой рябью и шумѣла тайга.

— Поспать-бы, — сказалъ Оглашенный, потягиваясь и зѣвая огромнымъ своимъ ртомъ.

Учавивъ покрѣиче шитикъ, направились оба къ амбару, гдѣ была торговля, открыли никогда незапирающіяся двери, — къ чему въ тайгѣ запираеть, кто возьметъ, куда схоронится — раскинули двѣ кипы сукна, одну на прилавкѣ, другую на полу, въ головы бросили по куску ситцу, притворили дверь, сразу темно стало въ лавкѣ, и улеглись спать.

Старикъ рабочій, лежа на полу, говорить Оглашенному:

— Тебя, конечно, какъ это, паря, принесло-то къ намъ, въ такую погибель-то?

Тотъ шевельнулся на прилавкѣ, вздохнулъ и отвѣтилъ:

— Да какъ... Обыкновенно, какъ... Хозяинъ пьянаго подобралъ въ Киренскѣ, да и обдѣлалъ... Всю дорогу наубой поилъ до самой вашей рѣки. А какъ на нее попалъ хозяинъ, это Гришка-то, и говорить: „Ну теперь ты нашъ. Теперь никуда не дѣнешься“.

— Куда отъ сюда тронешься.—прервалъ старикъ злымъ голосомъ:—птицей обернись, и то не улетишь. Въ какую

сторону броситься-то, не знаешь, не то что... Охо хо... По тайгѣ пойдешь, съ голоду подохнешь, али звѣрь заломаетъ, по рѣкѣ сплавляться — пороги, сказываютъ, бушуютъ впереди...

— Да какъ-же быть-то? — упавшимъ голосомъ не то старику, не то себѣ задать вопросъ Оглашенный.

— Давай лучше спать, паря, — откликнулся старикъ, — гляди день скоро... Чего то сонъ долить.

Вѣтеръ крѣпчалъ. Слышно было, какъ сердито шумѣла тайга, словно несмѣтные табуны птицъ, свистя крыльями, безпрерывно неслись надъ амбаромъ.

— А Гришка то, по моему, фру-у-кть... — протянулъ Оглашенный.

— Онъ-то? Хо-хо-о-о... ты еще его, паря, не знаешь.. Ужо — онъ... У него, у мошенника, прада-то, конечно, что харьковская дуга, прямая...

— Какъ встрѣтился онъ съ Борькой-то и сталъ ему напентывать за кустомъ: „оплель, говорить, я Оглашеннаго-то, подходяще: за пятьсотъ на годъ порядилъ, а рассчитаемъ по сту“... А я подслушалъ.. Ха!..

Верзила сердито замолчалъ и шевельнулся такъ, что заскрипѣлъ прилавокъ.

Старикъ сталъ посвистывать носомъ и легонько всхрапывать.

— Ты спишь, старикъ?

— А? Ты чего?..

— Спишь, молъ?..

— Нѣтъ...

— А Борька-то какъ, ничего?..

— Борька что-жъ, Борька ничего, доберь... До насъ доберь... — сквозь сонъ мямлилъ старикъ. — Только шалый, не приведи Богъ, какой: пьяный плачетъ объ тунгусахъ, жалость будто на него нападаетъ, а тверезый — опять за свое. Али взять хоша-бы тунгусокъ: онъ ихъ, молоденькихъ-то, самыхъ зелененькихъ-то, сколь перешерстилъ. „Грѣхъ“, говорю. . „Что ты, образина, дѣлаешь“, говорю. — „Состарюсь — отмолю“, говорить, а самъ ржетъ... А такъ ничего, ничего... Оно... Этово... Какъ колоколь тащили... прямо по ногѣ...

— Какой колоколь?

— А?..

— Ты про какой колоколь говоришь?

— Ни про какой не говорю, — сонливо отвѣтилъ старикъ и явственно выговорилъ:—давай, паря, спать.

Тайга гудѣла несмолкаемымъ гуломъ. Что-то охнуло вблизи и встряхнуло землю.

— Дерево упало,—октавой сказалъ Оглашенный.

Вѣтеръ распахнулъ дверь, съ силой ударилъ о стѣну и опять захлопнулъ, обдавъ холодомъ дремавшихъ въ амбарѣ людей.

— Пойдемъ-ка, паря, народъ будить... Однако, надо вытащить шитикъ-то,—сказалъ, подымаясь, старикъ.

Оглашенный недовольно, съ злорадствомъ, прохрипѣлъ:

— Гори онъ огнемъ, окаянный, и съ добромъ-то ихнимъ... На-гра-а-бять, не безпокойся.—И хвастливо—угрожающе добавилъ:—Я еще, язви ихъ, покажу имъ фигуру.

VIII.

Старикъ проснулся, разбуженный руганью. Слышно было, какъ у рѣки говорилъ народъ, пѣли отчаянными голосами дубинушку и звенѣлъ фальцетомъ голосъ Гришки:

— Нѣтъ, васъ въ тюрьмѣ сгноить надо, окаянныхъ!..

Старикъ прислушивается, кричитъ и брюзжитъ себѣ въ бороду:

— Да у тебя, у Ирода, похуже тюрьмы здѣсь-то... Тоже страшаетъ... Сгнои-и-шь... Какъ не сгноишь...

И тормозитъ за плечо храпящаго Оглашеннаго:

— Эй, ты... Чего ворчишь... Вставай-кось... Слышь?... Пугало...

Оглашенный что-то бормочетъ,—прочь отпихиваетъ старика:

— Уйди къ ляду...—и продолжаетъ храпѣть.

— Ну, песъ съ тобой,—отвѣчаетъ тотъ и выходитъ на воздухъ.

Сѣтъ тихій меленькій дождикъ, все сѣро кругомъ и грустно. Двѣ сороки стрекочутъ, посматривая на хмуро стоящую кобылу. Противоположный гористый берегъ чуть маячитъ сѣрой безформенной массой, а каменную грудь сонки принакрыли сѣдые лохмы ползущихъ облаковъ.

Возлѣ шитика народъ, безъ штановъ, въ вымокшихъ рубахахъ; ходятъ въ водѣ, блѣдные отъ холода, таскаютъ на берегъ мокрые мѣшки съ мукой: вода захлестнула шитикъ и подмочила кой-что изъ товара.

Борька съ братомъ отливають воду и, поощряя рабочихъ, покрикиваютъ повеселѣвшими теперь голосами:

— Ну-ну, ребяташки, постарайся!

— Ходи удалѣй, вотъ выпьемъ!

Солнца нѣтъ, и никто не знаетъ, день теперь или вечеръ: Борька часовъ не имѣлъ—зачѣмъ знать ему время, въ тайгѣ торопиться некуда,—у Гришки часы испортились, Оглашенный взялъ ихъ въ дорогѣ починять и спяну уронилъ колесо въ воду.

— Какъ думаешь, дѣдушка, должно быть къ вечеру дѣло-то?—спрашиваетъ Борька подходящаго, съ заспаннымъ, измятымъ лицомъ, старика.

— А кто его знаетъ: чего... То-ли вечеръ, то-ли день... Не угадаешь,—осмотрѣлся кругомъ, поглядѣлъ на сошку, на стрекочущихъ сорокъ, задралъ вверхъ желтую бороду, пощупалъ слезящимися глазами челену дождевыхъ облаковъ и, почесавъ спину, изрекъ:—Стало быть, вечеръ...

На него сразу набросились:

— Ври... Чего околесицу-то несешь: ве-е-черъ... Лѣсовикъ этакій... Мы какъ вскочили, такъ и бросились на воду... Не жрали еще... Ве-е-черъ...

Старикъ крикнулъ, снялъ безъ козырька картузь, поскребъ голову, поглядѣлъ на кобылу, опять на небо, на амбаръ, на лежащую въ кустахъ корову и тѣмъ-же тономъ изрекъ:

— Стало быть, день.

Но старику не вѣрять, хохочуть надъ нимъ: „заспалъ!“ Онъ и самъ понимаетъ, что смѣшно, теребитъ смущенно бороду, улыбается и бубня: „то ли вечеръ, то ли день,“ идетъ, присѣдая на каждомъ шагу, къ рѣкѣ умыться.

Машу спросить, Маша знаетъ: она каждый день встаетъ на зорькѣ. Но Маша лежитъ дома на кровати, лицомъ къ стѣнѣ, молчитъ, ничего не отвѣчаетъ на вопросы, и голова ея закрыта палью.

Старикъ, пуская пузыри, фыркалъ, плескалъ на лицо воду и, утираясь подоломъ рубахи, вдругъ прокричалъ:

— Однако, робяты, орда идетъ!

Дѣйствительно, налетая тихо, какъ въ дремѣ, изрѣдка прорывались далекія позвякиванья мѣдныхъ бубенцовъ и тѣни звуковъ: Мо-о-до! Мод-мод-мод...

— Идутъ!—сказали всѣ вразъ и, побросавъ работу, стали прислушиваться, настораживаясь всѣмъ тѣломъ.

Борька залѣзъ на крышу шитика и смотрѣлъ внизъ по рѣкѣ, щупая глазами опушку лѣваго берега.

— На рѣку выходятъ, на рѣку, —шепотомъ говорилъ онъ и, обратясь къ стоявшему въ кормѣ парню, таинственно приказалъ:

— Матвѣй, веди-ка проворнѣй кобылу за мысокъ...

Сѣрая лента все выползала и выползала изъ темно-зеленой, пасмурной тайги, спускалась къ рѣкѣ и, мѣрно колыхаясь, извивалась по приплеску.

Дождь кончился, стало освѣтлѣй, морока подобралась, великанъ-гора, четко очерченная и омытая дождемъ, стояла за рѣкою.

Изъ-за ея темени вдругъ брызнули лучи вечерняго солнца и плавно распространяющимся свѣтомъ неторопливо залили всю долину рѣки.

Все стало сразу ласковымъ и улыбающимся: серебромъ покрылась легкая рябь воды, тайга облеклась въ чарующую, вытканную изъ запаха хвой, темной зелени и червоннаго золота ризу, вслыхнули пожаромъ окнаточно привставшей на цыпочки и улыбающейся міру избушки, зарозовѣли стволы сиротливыхъ березокъ, до краевъ захлебнулись пурпуромъ плывущія на востокъ облака, и видно было, какъ кропили онѣ золотистой сѣтью дождя хмурья, уходящія на край свѣта, таежныя дебри.

— Стало-быть, вечеръ...—громко, чтобы все слышали, сказалъ смѣшливимъ голосомъ старикъ, щуря на солнце глаза. Лицо его было румяное и весело улыбающееся. Но никто не усмѣхнулся и не откликнулся: все, сколько было народу залитые лучами солнца, смотрѣли пристально вдаль на приближавшійся караванъ оленей.

Караванъ шель крупной ступью, быстро подаваясь впередъ. Весь бѣлый, передній олень гордо несъ свою красивую, съ вѣтвистыми раскидистыми рогами, голову. На немъ, въ заливатской позѣ, съ длинной пальмой въ рукахъ, гарцовалъ всадникъ въ ярко-красномъ камзолѣ, съ красной повязкой на головѣ. Онъ иногда останавливался и пропускалъ предъ собой ленту каравана, или, гикнувъ и ударивъ пятками по шеѣ оленя, скакалъ впередъ, что-то крича и размахивая пальмой. Олени шли другъ за другомъ гуськомъ, связанные поводками по восьми штукъ, и на переднемъ оленѣ каждой такой связки цѣпко сидѣло по маленькому человѣку, то въ синемъ, то въ красномъ, то въ желтомъ

камзолахъ. По бокамъ взадъ-впередъ носились олениа; спускались къ водѣ, птицей взлетали по откосу въ тайгу, выпархивали вновь на опушку, отыскивали глазами матерей и, не найдя, октависто рычали, вытягивая шеи.

Солнце медлило прятаться, но вечеръ бралъ свое: каменная гора за рѣкою росла и росла, пока не закрыла мрачной своей громадой послѣднихъ золотыхъ лучей дня. Сразу стало холодно, сразу стало тоскливо и скучно, погасла рѣка, провалились въ избушкѣ окна, она приѣла и перестала улыбаться, тайга насушилась и потеряла радость. Крики тунгусовъ и ревъ оленей казались растерянными и печальными, плакали бубенцы, а комары особенно сильно и назойливо насаждали на все живое.

Вскорѣ караванъ поднялся вверхъ, и тунгусы принялись разсѣдывать оленей.

Это пришелъ съ своей бабой и тремя дѣтьми подростками богатый тунгусъ Василій.

— Ну, ребята, бросай!—крикнулъ Гришка.—Будетъ, айда обѣдать.

— Хорошъ обѣдъ,—спать пора,—бубнилъ старикъ, и всѣ кромѣ Оглашеннаго, такъ и не вышедшаго изъ амбара, направились къ избѣ.

Слѣдомъ за Васильемъ, пришли на восьми оленяхъ и Унеканъ съ Конго.

Лишь только закипѣлъ двухведерный самоваръ, какъ ввалились въ избу всѣ тунгусы и, не поздоровавшись, не сказавъ ни слова, молча уѣлись къ огромному, во всю избу, столу съ самоваромъ.

— Ну, угощай, другъ,—сказалъ старый Унеканъ, обтирая потное лицо рукавомъ синяго, въ позументахъ, камзола.

Воздухъ сталъ душный, сразу запахло потомъ и гарью, принесенной насквозь прокопченными дымомъ тунгусами.

* * *

Пока пили чай, Мана] пошла разыскивать ушедшаго куда-то Борьку. Искала его возлѣ дома, спускалась къ пш-тику, шла къ опушкѣ лѣса, кричала до хрипоты, но Борька не откликнулся. Подошла къ амбару. Открыла дверь. На прилавкѣ, освѣщенные сальнымъ огаркомъ, сидятъ другъ противъ друга Оглашенный съ Борькой и, нагнувшись, что-то мастерятъ. Предъ ними бутылка рябиновки, пряники и баранки.

— Боря,—тихо и укоризненно позвала Маша.

— Ну, что тебѣ?! Уходи!—крикнулъ тотъ, вскинувъ на нее черные, очерченные темными тѣнями глаза.

— Чего молчалъ? Чего не откликнулся?...

— Некогда... уходи!...

Маша стояла предъ ними, скрестивъ на груди руки, и презрительно сверкала на нихъ глазами.

— Опять надъ тунгусами изгаляться собираетесь? Нѣшто это хорошо? Эхъ вы-ы...—дрожащимъ голосомъ проговорила Маша.

Оглашенный уставился на нее своимъ наглымъ взоромъ, сказалъ ей гадость и дико заржалъ.

Маша вся вспыхнула:

— Ты то, шпана, чего вяжешься?

— Молчи, шлюха,—прохрипѣлъ Оглашенный.—Это видѣла?—и показалъ ей кукишь.

— Марья, уходи!..—крикнулъ Борька,—гони её въ шею!..

Та, вздрогнувъ и схватившись за косякъ, застонала:

— Ахъ ты, бессо-о-вѣстный!... Чочокъ, небось, свою тунгуску вшивую, не гонишь... Звѣрь ты...

Оглашенный ерзнулъ съ прилавка, схватилъ въ охапку визжавшую и царапанущуюся Машу и, хрипя:

— Ну-ка, ну-ка еще-о-о... Попробуй-ка, укуси... Какъ я те чеколдыкну въ рыло-то...,—выталкалъ ее вонъ и, захлопнувъ дверь, заложилъ желѣзнымъ крюкомъ.

И не разобрать было Борькѣ: плачетъ-ли Маша, хохочетъ-ли тамъ, за дверью. И ему стало жаль ее, хотѣлъ пойти утѣшить и успокоить, но Оглашенный сказалъ:

— Ишь, стерва, воетъ... Бабъ надо бить...

Борька, чуть подумавъ и взглянувъ со страхомъ на звѣриную образину Оглашеннаго, грустно согласился съ нимъ въ своемъ сердцѣ.

А Маша, захлебываясь слезами, кричала:

— Когда ты меня, мучитель, доставишь домой-то?... Звѣрь ты, али человѣкъ?! Звѣрь али человѣкъ...

— ...алчать!...—надсаживался въ амбарѣ Борька.

А Оглашенный ржалъ.

Вдругъ послышались шаги и близкій говоръ тунгуса:

— Пошто плакалъ, Машка?... Кудой плакалъ, борони Богъ какъ... Не надо...

— Унеканъ...—прошепталъ Борька.

Маша что-то крикнула Унекану и пошла поспѣшно прочь.

Унеканъ зашарилъ по стѣнѣ, ища скобку.

— Храпи,—прошенталъ Борька и захрапѣлъ, прикинув- шись спящимъ.

А Унеканъ, толкаясь въ дверь, допытывалъ:

— Померъ? живъ?

Въ отвѣтъ раздавался храпъ.

— Давай вина... Померъ, живъ?

Онъ потоптался, еще постучалъ и, сказавъ:—Шайтанъ, — сталъ ругаясь, уходить.

IX.

Василій—тунгусъ богатый. Онъ взялъ пять мѣшковъ муки ржаной, два мѣшка бѣлой, сколько надо сахару и чаю, сукна и кожи, дробы, свинца и пороху, немного вина, двѣ горсти конфетъ, бисеру и ситцу,—всего съ таимъ запасомъ, чтобъ хватило его семьѣ на все лѣто, вплоть до Покрова, заплатилъ за покупку двѣсти бѣлокъ, двѣнадцать сохатинъ и остался долженъ сто рублей и пятнадцать копѣекъ. Но Гришка—человѣкъ ласковый, онъ пятнадцать копѣекъ скостилъ и еще подарилъ вдобавокъ тунгусу очки, а его бабѣ маленькое зеркальце.

Оба, мужъ и жена, остались очень довольны. Тунгуска глядѣлась въ зеркало, а у нея наперерывъ вырывали изъ рукъ ея дѣти, тоже глядѣлись, хохотали, всё вразъ тараторили, тыча пальцами въ волшебное стекло и строя гримасы.

Василій, въ очкахъ, часто мигалъ глазами, и, улыбаясь, вопросительно говорилъ:

— Однако, хорошо видать?.. А то глазъ кудой сталъ, совсѣмъ моя слѣпился, бѣлка мимо маленько стрѣлять...

Онъ выбѣгалъ въ тайгу, къ рѣкѣ, смотрѣлъ на противоположный берегъ, на блѣдные огоньки лѣтнихъ сѣверныхъ звѣздъ, чмокалъ губами, крутилъ головой, и, хотя ему ломило глаза, онъ, войдя въ избу, говорилъ радостно:

— Однако, лучше?.. Совсѣмъ близилъ...

— Приближаетъ?

— Би-ли-и-зко...

Онъ выпилъ водки, напился чаю, закусилъ и чувствовалъ себя хорошо.

Старый Унеканъ былъ несговорчивъ и золъ. Ему ничего пока, кромѣ водки, покупать не надо: у него, слава Богу, запасъ дома хорошій. Кой-что надо бы, но завтра придетъ Найканча съ бабами, все, что потребуется ему, забе-

руть. Онъ принесъ триста бѣлокъ и двухъ чернобурыхъ лисицъ. Двѣсти бѣлокъ онъ уплатилъ за старый долгъ покойнаго отца Конго, сто промѣнялъ на серебряный для Чочакъ поясъ.

А вотъ лисицъ хотѣлъ продать, но Гришка мало даетъ.

Старикъ деньги любитъ, особенно серебряные рубли звонкіе, круглые, большіе. У него ихъ много.

Иной разъ, подвыпивши, достанетъ со дна завѣтнаго пото большую, шитую бисеромъ мошну съ рублями и, сидя у костра, звенить ими, пересыпая съ ладони на ладонь.

Вотъ и теперь надо-бы побольше взять у торговаго этихъ рублей да зарыть ихъ въ тайгѣ, подъ колодиной: пригодятся... какъ не пригодятся, конечно, пригодятся: помретъ, — Чочакъ оставить, Конго оставить, оба бѣдные, ничего нѣтъ у нихъ, а онъ ихъ жалѣеть, пуще себя жалѣеть, но Гришка, безсовѣстная рожа, совсѣмъ не подходящія рѣчи толкуетъ, смѣется, волчья душа этакая, скалить зубы да и на!

Унеканъ просить по сто рублей за лисицу и десять бутылокъ вина, а Гришка даетъ пять бутылокъ вина и по три рубля. Старикъ кричитъ, спорить:

— Больно дешевилъ, другъ... Пошто такъ...

— Какъ хошь, не надо...

— Пошто не надо?.. Надо... Шибко хорошь, бери... Пасибо толковать будишь... Бери...

Но Гришка и слушать не хочетъ, все посматриваетъ въ окно на амбарчикъ, гдѣ были Оглашенный съ Борькой.

Наконецъ, онъ всталъ и, громко засвиставъ пѣсню, вышелъ.

Придя туда, онъ спросилъ Борьку:

— Готово, али нѣтъ?

— Готово.

— Можно начинать?

— Можно.

Еще громче и удалѣй свистя, онъ трусцой бѣжить въ избу и говоритъ привѣтливо взволнованнѣмъ голосомъ:

— Вотъ что, дружки... Судья скоро приѣдетъ сюда. Всѣхъ тунгусовъ судить будетъ.

Конго и Василий встали съ мѣсть, такъ перепугались. А старый Унеканъ, видавшій виды, спросилъ насмѣшливо:

— Какой судить?.. Чего мелешь?..

— А вотъ увидишь. Плыли мы вчера, обогнали его, верхомъ на лошади ѣдетъ. Большой начальникъ...

Но Унеканъ не унимался:

— Чего путалъ... Вчера нѣту было, сегодня есть?.. Вралъ... Какой лошадь, сроду нѣтъ...

Гришка опять выпелъ, тунгусы же всё сразу что-то заговорили, къ нимъ пристала баба, зашептались и завсхлипывали ребята.

Унеканъ кричалъ громче всѣхъ, размахивалъ руками, зло выколачивалъ о скамейку свою мѣдную трубку, билъ себя въ грудь, и сквозь тунгусскій гулъ голосовъ раздавались русскія фразы...

— Мошенникъ...

— Начальникъ надо толковать...

— Плуть...

Въ избѣ никого, кромѣ тунгусовъ, не было. Рабочіе топчили баню.

Вдругъ раздались одинъ за другимъ три выстрѣла. Эхо показилось по тайгѣ. Потомъ явственно зазвенѣли бубенцы, опять прибѣжалъ Гришка и крикнулъ тунгусамъ:

— Ребята, выходи!

Всѣ вышли, кромѣ Унекана, и остановились у избы, а Унеканъ сѣлъ къ окну и смотрѣлъ съ любопытствомъ и страхомъ, что будетъ дальше.

Бубенцы слышались все яснѣй и яснѣй. Опять раздался въ тайгѣ выстрѣлъ. Сквозь деревья замелькалъ движущійся огонекъ, ближе, ближе, что-то храпѣло тамъ и фыркало. Наконѣцъ, показался верхомъ на лошади человекъ. Лошадь кто то велъ въ поводу съ зажженнымъ факеломъ.

Гришка возился возлѣ амбарчика, торопливо втыкая въ землю двѣ палки. Воткнувъ ихъ, онъ подпалилъ, ухмыляясь, ниточки. Вдругъ вспыхнуло пламя, зашипѣло и двумя огненными хвостами шаркнуло въ небо, загрохотало въ вышинѣ, разсыпалось въ падучія звѣзды и растаяло.

Тунгусы попятились назадъ, хватаясь другъ за друга, старый Унеканъ отскочилъ отъ окна.

А всадникъ, ведомый Борькой, подѣхалъ къ тунгусамъ и заоралъ зычнымъ голосомъ:

— Здорово, орда!..

Всѣ стояли, раскрывъ рта, мiali въ рукахъ камзолы и, пораженные, глядѣли и на невиданную здѣсь лошадь, и на огромную, всю усыпанную крестами и звѣздами, фигуру всадника.

На головѣ Оглашеннаго былъ надѣтъ ручкой впередъ эмалированный горшокъ, отчего одутловатыя щеки его еще болѣе раздались въ стороны, а усы грозно были опущены книзу.

Къ ручкѣ посудыны, какъ киверъ къ каскѣ, была укрѣплена сдѣланная изъ конскихъ волосъ якутская мохалка отъ комаровъ. Чрезъ плечо, по солдатскому мундиру повязанъ синій шарфъ, а сверхъ него, на груди лежала вырѣзанная изъ жести цѣпь, съ большимъ по срединѣ крестомъ.

Оглашенный былъ пьянъ, онъ сидѣлъ на лошади криво—одна нога выше другой—и держался обѣими руками за гриву.

Рабочіе стояли и улыбались, нѣкоторые начали острить.

— Никакъ кобыла-то подѣ хмѣлькомъ, сѣдока-то не сдержитъ...

— Сде-ержитъ... Не брякнись, Оглашенный: тутъ коренья... Держись за хвостъ...

Гришка что-то шепнулъ имъ, они замолкли, и всѣ, какъ одинъ, сняли съ головъ шапки, переглядываясь другъ съ другомъ.

Русскимъ было любопытно такое представленіе, а тунгусы слѣпо вѣрили, что это—начальникъ, судья, строгій, который сажаетъ въ тюрьму, котораго всѣ трепещутъ: и Борька, и Гришка, и попъ Ванька, и старшина въ Кежмѣ, и урядникъ, и царь. Нѣтъ, царь, поди, не боится, царь главнѣе, а можетъ быть, судья главнѣе, гляди у него сколь заслугъ, кресты, кресты, кресты и цѣпь. Батюшки, цѣпь-то какая... А самъ-то онъ толстый, голосъ толстый, брюхо толстое, не то что у судьи въ Кежмѣ, котораго они видѣли на ярмаркѣ года три тому; этотъ самый большой, самый главный: поди, что захочетъ, то и сдѣлаетъ; поди, велитъ оленей отнять, и отнимутъ; поди, велитъ бабъ и дѣтей отобрать, и отберутъ; поди, велитъ убить, и убьютъ, а тушу псамъ скормятъ.

Стоять, трясутся. Ужъ очень грознымъ имъ показался судья.

А если убѣжать? Нѣтъ, поймаютъ. Лошадь, борони Богъ, какъ проворно бѣгаетъ: вскочить, свистнетъ, никакому тунгусу ходу не дастъ... Ой, амака-дѣдушка, Боллѣй-Боллѣй, Микола-матушка... Что будетъ, что будетъ...

Стоять, трясутся. И Конго, и Василій, и бабы, и ребята. А Унеканъ все въ избѣ, нейдетъ, вотъ отчаянная головка, нейдетъ. Надо-бы сказать, чего онъ нейдетъ, какъ не боится, чего не встрѣтилъ. А можетъ, онъ лежитъ подѣ лавкой, а то со страху въ печь залѣзъ? Вотъ какой товарищъ, вотъ какой плохой товарищъ, а еще старикъ. Чего нейдетъ... Ой, Микола-матушка, Инокентій-батюшка...

-- Пожалуйте, господинъ начальникъ.

— Пожалуйте, господинъ судья,—на перебой, притворно лебезя, сказали Гришка съ Борькой...

Оглашенный, поднявъ руки, хотѣлъ опереться на Борьку, но лѣвая, что подлиннѣй, нога перетянула, и онъ неожиданно кувырнулся по другую сторону лошади, грузно шлепнувшись на землю. Посудина съ головы укатилась подъ гору къ рѣкѣ, лошадь, сѣменя ногами, захрапѣла, и во всю глотку захохотали рабочіе. Оглашенный молча всталъ на четвереньки, съ усиліемъ приподнялся, далъ коню сапогомъ въ морду, опять кувырнулся, потомъ, овладѣвъ собой, выпрямился и, ругаясь на всѣ тайгу, бодро зашагалъ къ избѣ, сопутствуемый торговыми.

Ой, батюшки, что-то будетъ! Начальникъ разсерчалъ, свалился, а рабочіе хохочутъ, нечего сказать нашли время... вотъ ужъ, онъ дастъ имъ, вотъ ужъ!.. Зачѣмъ онъ свалился-то, чего напрасно безпокоится... усталъ съ дороги, охъ засудить, охъ, конецъ пришелъ! Начальнику надо-бы отдохнуть, шутка-ли, сколько проѣхалъ. Положимъ, конь—не олень, бѣжить хлестко, эвонъ какую телѣгу тащить, а на телѣгѣ-то сколько навалено... а все-таки пока ѣхалъ, поди, мѣсяцъ въ небѣ два раза пропадалъ.

Чего-жь Унеканъ не выходитъ?..

X.

За столомъ, накрытымъ кускомъ краснаго коленгора, сидѣли Оглашенный, Борька и Гришка. У Гришки глаза суетливые, борода клинышкомъ, рыжая, голова облѣзлая, носъ крючкомъ, алчный, щека платкомъ завязана: флюсь. По угламъ стола горѣли четыре свѣчи, вставленные въ под-свѣчники изъ ножекъ дикаго оленя, подъ потолкомъ висѣла зажженная лампа, въ избѣ было свѣтло и жарко.

Рабочіе жались у печки, куря и пьюя на полъ, скалили тихомолкомъ зубы, а нѣкоторые дремали.

Тунгусы, выстроившись в рядъ, почтительно стояли, ожидая грозы. За что—не знали, но думали, что разъ сюда, въ такую сторону, пріѣхалъ человекъ судить тунгусовъ, значитъ есть за ними важныя проступки. А какъ иначе и подумать? Здѣсь отроду никто не былъ, какъ свѣтъ стоитъ, никто не былъ, солнце не видало здѣсь судьи, мѣсяцъ не свѣтилъ ему по дорогѣ, вѣтеръ не игралъ съ нимъ. Какъ съ неба упалъ. Значить, что-то есть...

Стоять, думать, откуда онъ зайдетъ, съ какого мѣста

прицѣлится, и Унеканъ стоитъ, хоть шибко-то не боится, а стоитъ. Онъ судьей видалъ, на судѣ былъ, когда ходилъ въ шуленгахъ ¹⁾, судья ничего, съ нимъ говорить можно, за себя постоять можно: поди, не Богъ, чего бояться. Все одно помирать: эка штука. Медвѣдей бивалъ, сколько ихъ положилъ. А медвѣдь, о! съ нимъ надо умѣючи. Ты его сначала уговори, успокой, онъ не простой звѣрь, онъ съ неба сошелъ, онъ все знаетъ, амиканъ-батюшка... И то бивалъ. А судья что... Судья ничего... Не обидитъ... Ноги трясутся,—это отъ старости, зубы стучать,—это... это... отъ вина, маленько не допилъ, „маленько голодный“. Ну, вотъ ужъ посмотримъ...

На столѣ книга,—оракуль,—единственная на станѣ.

— Законъ,—думаетъ Унеканъ, глядя на потрепанную книгу и, ткнувъ Конго въ бокъ, шепнуть ему:

— Законъ.

Оглашенный засопѣлъ, закашлялся пропойнымъ кашлемъ и принялся чихать.

Тунгусы кричали:

— Абагара пуце, батюшка, абгара пуце... ²⁾

Оглашенный бодался, махалъ рукой и, весь отъ напряженія и водки красный, чихалъ и чихалъ, колебля полъ.

Наконецъ, сказалъ:

— Который есть тунгусъ Унеканъ?

Старикъ сдѣлалъ шагъ впередъ и твердо отвѣтилъ:

— Я.

— Ты?

— А кто-же болѣ?... Я...

— Который есть на лицо тунгусъ Колька?

— Конго,—подсказалъ Гришка.

Унеканъ потянулъ за рукавъ Конго, тотъ робко шагнулъ впередъ, всталъ рядомъ со старикомъ и, поглядѣвъ на ноги, ровно-ли стоитъ, боязливо, робкимъ голосомъ, не подымая головы, отвѣтилъ:

— Я на лисо...

— Конго?

— Моя...

— Т-э-къ-съ, тѣкстѣкъ-съ... А для чего у тебя на мордѣ дуля?

Конго стоялъ, красный и растерянный, не понималъ,

¹⁾ Шуленга—выборный.

²⁾ Будь здоровъ, здоровья больше.

что спрашиваетъ судья, и, сквозь слезы, поглядывалъ на Унекана дѣтскими глазами.

Тотъ дерзко сказалъ:

— Какой такой дуля?... Толкуй лучше...

— Молчать!..—грянулъ Оглашенный. И все въздрыгнули. Рабочіе, дремавшіе у печки, открыли глаза и, поглядѣвъ осовѣлымъ взглядомъ, плюнули и выругались.

— Пошто молчать... Говорить нада... Чево кричипшь... Слышу...

— Молчать, тебѣ говорятъ!..

— Пошто злой...—громко протестовалъ, сверкая глазами, старикъ.—Чего гаркашь... Не глушился, слышу...

Тунгусы приободрились, шевельнулись, переступили съ ноги на ногу, обтирая потъ съ измокшихъ лицъ.

Унеканъ опустился на полъ, поджавъ подъ себя ноги, и говорилъ:

— Ну, чево дале-то?

— Встать!..

— Ну, ладна... Усталъ старикъ, поди... Обсуждай скорѣ...
Ночь.

Опять поднялся Унеканъ и сталъ закуривать трубку.

Гришка нагнулся и шепнулъ на ухо судѣ. Тотъ, уставившись на Василья, строго спросилъ:

— Ты есть тунгусъ Василій?

— Моя, господинъ начальникъ, моя будить,—виновато, глотая слова, отвѣтилъ тунгусъ чужимъ голосомъ.

— Сколько у тебя оленей, али орднѣ, по вашему, по тунгусскому?

Тотъ долго подгибалъ пальцы рукъ, шевеля губами: тунго, дюръ-дяръ, илянъ-дяръ, нямади, да болѣ, да болѣ...

Унеканъ опять дерзкимъ голосомъ ввязался, вновь, по забывчивости, садясь на полъ:

— Тебѣ коли надо, поди, считай самъ... Одинъ Богъ знаетъ...

Оглашенный привскочилъ, ударивъ каблуками въ полъ, и рывкнулъ:

— Молчать!.. встать!!

— Ачать—сать...—всплеснувъ руками и подпрыгивая, взвизгнула Васильева жена. Рабочіе грохнули хохотомъ и улыкнулся Борька.

— Тебѣ еще, старому лѣшему, морда не бита, нѣтъ?!

Унеканъ, шлепая губами и задыхаясь отъ злобы, стоялъ

къ судьѣ въ полъборота и срывающимся голосомъ черезъ плечо бросалъ ему острыя, крикливыя слова:

— Такой законъ не есть былъ!.. Пошто мордамъ... Кажи такой законъ, гдѣ?!

— Вотъ, погоди, я те покажу!

— Ну ладно, буду погодить, кажи, пожалуста!!

Гришка опять нагнулся къ Оглашенному, опять пошентались. Двое рабочихъ храпѣли; тунгуска, сидя съ ребятами вдоль лавки на полу, икала и охала.

Оглашенный всталъ и заявилъ:

— Судъ удаляется въ кухню на совѣщаніе. По выходѣ будетъ объявленъ вердиктъ и сдѣланъ перерывъ.

И твердой грузной походкой, задѣвъ ногой табуретку, вышелъ въ кухню, притворивъ за собою дверь.

Маша лежала на кровати, лицомъ къ стѣнѣ и передергивала, словно въ ознобъ, плечами. Оглашенный, скверно улыбаясь, подкрался къ ней на цыпочкахъ и, сдѣлавъ ртомъ: квакъ, щекотнулъ ее въ спину, а потомъ облапилъ и загоготалъ.

Та вскочила съ сверкающими глазами и съ рѣзкой складкой межъ бровей, плюнула ему въ лицо и выбѣжала вонъ.

— Чиква!.. Ха-ха-ха!.. — разсыпался пьянымъ смѣхомъ Оглашенный, досталъ съ полки водку, выпилъ нѣсколько глотковъ, закусилъ кускомъ свѣжей, только что пойманной, стерляди, вытеръ усы, закрутилъ ихъ кверху, кашлянулъ и торжественно направился въ ту половину, гдѣ происходилъ судъ.

А Борька тѣмъ временемъ шепталъ тунгусамъ:

— Не бойся, дружки: я заступлюсь.

XI.

Маша сидѣла у рѣки на сыпучемъ желтомъ пескѣ. Разложивъ курево, она сначала тихонько мурлыкала какую-то пѣсню, потомъ вынула изъ-подъ кофты письмо съ родины, развернула, поцѣловала бѣлый, исписанный каракулями и засушенный листокъ бумаги и задумалась.

Мысли ея прерывались пьяными криками Оглашеннаго, вылетающими изъ открытыхъ оконъ избы.

Ночь была блѣдная, сѣверная. Отъ воды несло холодомъ и запахомъ испорченной рыбы. За рѣкой била крыломъ и плакала ночная птица, а Машѣ казалось, что это мать кличетъ ее и убивается, не получая отвѣта.

— Мамынька!—шепчетъ Маша, едва шевеля дрожащими губами и смотритъ вдаль, на тотъ берегъ, гдѣ плачетъ одинокой, такой сиротливый среди ночи, голосъ.

И видитъ, какъ сквозь капли слезъ на глазахъ, дрожить тотъ берегъ, какъ пляшутъ, дробятся и расплываются бѣлыми пятнами и тайга, и горы, покрытыя туманной мглой.

Такъ просидѣла она порядочно времени.

Къ Машѣ подошелъ старикъ-рабочій.

— Тоскуешь, дѣваха?—вдохнулъ онъ и, крикнувъ, опустился возлѣ. Оба посидѣли молча.

Потомъ старикъ, хихикнувъ, сказалъ:

— Ну, и Оглашенный, будь онъ проклятъ... Вотъ это варнакъ, такъ варнакъ...

Маша ничего не сказала, сидѣла, согнувшись и подперевъ рукой низко опущенную голову, покрытую сдвинутымъ на глаза бѣлымъ платкомъ.

А старикъ затѣмъ и пришелъ, чтобъ поговорить съ ней, и онъ, посасывая трубку, началъ:

— Конечно, выпелъ, это, онъ изъ кухни, взялъ оракуль, держитъ вверхъ ногамъ, да вычитываетъ по своему законъ: такую дурнинушку сталъ выворачивать, самую что ни наесть похабницу-то: тунгусы стоятъ, разиня рты, слушаютъ, имъ что хошь читай, народъ безъ понятіевъ, а наши ржутъ, конечно, у печки... рады. Присудилъ быдто всѣхъ тунгусовъ къ тюрьмѣ. Васька съ Конгой бухъ въ ноги, залопотали что-то: „бойе, бойе“—вотъ-те и бойе, баба заревѣла. А Унеканъ стоитъ, зубы, конечно, стиснулъ, а глаза что у волка у бѣшенаго: думаю, какъ схватитъ пальмѹ, да какъ начнетъ всѣхъ поливать. Ушелъ отъ грѣха, ну ихъ...

— Потѣшаются,—грустно отвѣтила Маша,—и что имъ охота измываться-то?

— А вотъ они, хозяевы-то, обдерутъ ихъ, какъ липокъ.

— Какъ обдерутъ, врешь?...

— Обдерутъ, Машенька, обдерутъ... Вдругъ, конечно, Борька всталъ и говоритъ Оглашенному: „господинъ судья, смилуйтесь, пожалуйста, надъ старикомъ Унеканомъ, и надъ Конгой съ Васильемъ, ослобоните отъ тюрьмы. Я, говорить, очень даже хорошо ихъ знаю, народъ, вѣрный, а что касемо драки, такъ это у нихъ вродѣ обоюднаго, говорить, мордобоя, кто кого ловчѣе бькнетъ. А Унеканъ только и знаетъ: „какой тюрьма... развѣ я молоденькой... со-

всѣмъ худой, старикъ сталъ, помирать нада, а ты тюрьма... и Борька тоже...

— Ну-ка, ну-ка,—торопила, печально улыбаясь, Маша.

— А Борька-то и говоритъ: вы, говоритъ, всѣмъ троимъ запишите имъ страхъ, оштрафуйте, говоритъ, ихъ, Ваську съ Конгой по пятьдесятъ рублей, я за нихъ внесу, а имъ запишу, вотъ пожалуйте,—вынулъ Оглашенному сотенную,— а Унекана оштрафуйте, говоритъ, на двѣ, конечно, лисы, у него здѣсь онѣ. А то какъ такъ возможно старику тащиться до тюрьмы, вѣдь три мѣсяца только идти надо... Смилуйте. А Оглашенный совсѣмъ осовѣлъ, конечно.— все равно, говоритъ, наплевать, говоритъ...

— Ну?...—строго сказала Мама и встала.

— Ну, тутъ я и ушелъ... Унеканъ шумить чего-то... порядки ругаетъ. Жаль, знать, лисичекъ-то... Ай, яй-яй... Кабы въ городъ, каки бы деньги взялъ... Ухъ-ты!.. Ну-ка, пойду я...

— Посиди, дѣда: чего-то боюсь.

— Нѣтъ, пойду... Догляжу камедь-то... Пойдемъ.

— И туда боюсь... Чего-то страшно. А за рѣкой инь какъ стонеть.

— Птица это... Мало-ль ихъ, сиди, не бойся, коли такъ..

И старикъ, крихтя и сгорбившись, сталъ карабкаться по откосу вверхъ. Выбравшись, онъ крикнулъ:

— Гляди, дождь будетъ завтра... Спиношку прямо отсѣкло.

— Миѣ хошь снѣгъ,—откликнулась дѣвушка и тоже поднялась наверхъ.

— Экіе какіе крученые... Безъ стыда, безъ совѣсти... Охо-хо...—сказала она, поглядывая на стоящую въ лѣсу избушку и тяжело вздохнула.

Тамъ отворилась дверь, выбѣжалъ проворно Унеканъ, посовался возлѣ избы, завернулъ за уголъ и вскорѣ вновь появился, волоча за хвостъ двѣ пушистыя лисьи шкуры:

— Унеканъ!—крикнула дѣвушка,—Унеканъ!

Онъ остановился, смотритъ на нее, а она подходитъ къ нему и говоритъ:

— Ахъ ты дуракъ, дуракъ... Старый ты дуракъ...

— Вѣрно, Машка, дуракъ... Какъ не дуракъ... Зачѣмъ мордамъ тыкаль,—и быстро засѣменилъ къ избѣ.

— Унеканъ, стой-ка ужо!—побѣжала за нимъ Маша, но тотъ успѣлъ скрыться за дверью.

— Вотъ, дуракъ,—сказала она и не знала, что предпринять.

Хотѣлось ей броситься туда,—эхъ, если-бъ сила!.. хотѣлось изругать ихъ, обидчиковъ, этихъ нахальныхъ парней, этого пропону Оглашеннаго. Нѣтъ, не изругать, а вотъ если бы безмѣномъ, да по башкамъ, да по башкамъ, эхъ, кабы шапка-невидимка, какъ въ той сказкѣ, что говорила ей въ дѣтствѣ бабушка Елена...

Не знаетъ, что дѣлать.

— Дѣдь,—кричитъ она,—дѣдь!.. Борька!

Она прислушивается, ждетъ. Нѣту.

— Бо-о-ръка-а...

Лишь за рѣвкой бьетъ крыломъ и надрывается птица.

ХП.

Въ избѣ очень жарко и душно, пахнетъ прѣлью, табакомъ, потомъ и виннымъ перегаромъ. Всѣ разомлѣли, тунгусы еле держались на ногахъ, тоскуя по свободѣ, русскимъ наскучила игра, позѣвывали, сонливо посматривая другъ на друга и на Оглашеннаго, у котораго все больше и больше наливалась на лбу жила и подергивалась у угла рта верхняя губа.

— А ты, Гришка, сволочь,—спокойнымъ голосомъ сказалъ онъ вдругъ хозяину, когда Унеканъ убѣжалъ за пушinou.

Тотъ, учуявъ въ Оглашенномъ звѣря, заерзалъ на скамейкѣ, посмотрѣлъ на брата, сердито нахмурился, но ничего не отвѣтилъ.

— Ты меня за сколько нанималъ въ годъ, а? За пять сотъ?.. А?

— Послѣ, послѣ...—отвертываясь и избѣгая страшныхъ глазъ, скрипѣлъ Гришка.

—Послѣ...—крикнулъ Оглашенный и лицо его побагровѣло:—Послѣ?! Когда—это послѣ?—Тамъ пятьсотъ сулилъ, а сюда привезъ, сотню говоришь?! Сма-а-три, робенокъ... Я тебѣ не дѣдь!...—и погрозилъ пальцемъ.

Конго съ Васильемъ удивленно наблюдали происходящее и во все лицо приятно улыбались, прикрываясь ладонями.

Вошелъ, волоча лисицъ, Унеканъ. Глаза его были хитры и рѣшительны. Онъ пошептался съ тунгусами, указывая

пальцемъ на Оглашеннаго посовѣтовался съ ними, поспоришь. Наконецъ, тѣ вразъ отвѣтили ему:

— Добро... Это ладно...

Тогда Унеканъ подошелъ къ столу, положилъ обѣ шкуры возлѣ Оглашеннаго и уже тонкимъ, покорнымъ и заискивающимъ голосомъ сказалъ:

— Вотъ, батюшка... Получай, батюшка... Пасибо, батюшка...

Потомъ, тѣмъ же тономъ, спросилъ:

— Ты самый большой въ городу начальникъ, али самый большущій есть?

— Есть, братъ, есть... Тамъ все есть, тамъ не тайга... Давай-ка лисанекъ-то... Вотъ такъ.

— Есть? Добро,—сказалъ Унеканъ и, подойдя къ Конго съ Васильемъ, подмигнувъ имъ: тогда всѣ трое дружно опустились на колѣни и устремили на Оглашеннаго, какъ на икону въ церкви, полные упованія и мольбы глаза.

Унеканъ теперь твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ, держа сложенные на животѣ руки, началъ:

— Судья—батюшка, пиши такой расписка, я толковать буду, ты толкуй большущему, дѣлай милость, толкуй: приказчикъ самый плуть...

— Плуть...—испуганно вторили остальные тунгусы.

— Борька самый плуть есть...

— Плуть...

— Гришка самый плуть, борони Богъ какъ... все нуталь, все враль... Маленько вовсе обижать, мошенникъ шибка...

Оглашенный захохоталъ, поерошилъ себѣ волосы и сказалъ:

— Гришка мошенникъ, дѣдъ, это вѣрно... Онъ, подлець, и меня нагнулъ...

— Молчи, тварь!!—зашипѣлъ брызгая слюной, Гришка и ударилъ кулакомъ по столу.

Оглашенный едва успѣлъ открыть ротъ, какъ раздался рѣзкій, словно ударъ косы о камень, голосъ тунгуса:

— Самъ молчи!.. Что больна!..—подскочивъ вплотную къ Гришкѣ, кричалъ Унеканъ.—Мошенникъ и есть...—Что больна!..—все громче и громче звенѣлъ его голосъ, и вздрагивали его толстыя губы.—Въ тюрьму сажать нада?! Самъ, плуть, сиди... обиралъ больна, богатъ сталъ больна, всѣхъ тунгусовъ давилъ! Вотъ начальникъ учить тебя будить, Борьку учить будить... Что больна... Плуть... Тащи его судья-батюшка... Пуще тащи!..

— Ха-ха-ха... — дѣлано и зло захохоталъ озлившійся Гришка, — дуракъ ты старый чортъ, и больше ничего... Судья?! Это по твоему судья?! На, тебѣ, судью голоштанную на!!.—взвился вдругъ и, стиснувъ зубы, вмигъ сорвалъ съ растерявагося было Оглашеннаго цѣпь, кресты, ленту:— Нна, смотри!!

Вихремъ влетѣла въ избу Маша и крича:—Бей его, Гришенька, бей!—влѣпила двѣ звонкія затрешины по жирной щекѣ Оглашеннаго.

Тотъ качнулся, хрюкнулъ и, взревѣвъ медвѣдемъ:—А!.. такъ?!.—опрокинулъ разомъ столъ, сгрѣбъ Гришку за горло съ такой силой, что тотъ вдругъ высунулъ языкъ, словно дразня Оглашеннаго:—будешь?..—надсадисто хрипѣлъ Оглашенный, —будешь тунгусовъ обирать?! Борька, внѣ себя кинулся въ защиту брата и, дико крича:—Я тебѣ покажу!!.—въ кровь расшибъ Оглашенному носъ.

Тотъ, боднувъ головой, выпустилъ Гришку и торчмя такъ ударилъ Борьку въ лобъ, что тотъ, взметнувъ вверхъ руки, побѣжалъ на однихъ пяткахъ задомъ къ двери, стукнулся бокомъ въ печь, отскочилъ, перелетѣлъ черезъ табуретку и докатился по полу до стѣны. Гришка ножъ искалъ, никакъ найти не могъ.

— Я вамъ всѣмъ дамъ пить!..—вопилъ свирѣпо Оглашенный, мечась по избѣ и вышибая пойманной скамейкой рамы.

— Топорь, гдѣ топорь... Топорь!—кричалъ Борька, держа рукой разбитое лицо:—Зови рабочихъ...

Маша визжала, какъ поросенокъ:

— Рѣжутъ, батюшки, рѣжутъ!..

Тунгусы давно выскакали въ окна, какъ только началась свалка.

— Убѣгай, Конго... пуще убѣгай!..—не чуя земли подъ ногами, кричалъ товарищу Унеканъ, а Конго былъ далеко, первый выскочивъ въ окно...

— Пуще убѣгай...

Въ избу ввалились рабочіе.

* * *

По тайгѣ разстилался поднявшійся съ рѣки туманъ. Храпѣла, отбиваясь отъ гнуса, лошадь и заливались на разные лады переполошенныя собаки.

Конго и Унеканъ быстро собрали своихъ восемь оленей, осѣдлали и поѣхали въ обратный путь.

А Василій съ семьей долго еще ходили по темнымъ проваламъ тайги, и по воздуху долго звенѣли призывные женскіе голоса: Мо-о-до! мод-мод-модъ...

* * *

Спустившись къ водѣ и доѣхавъ до изгиба рѣчки, гдѣ тропа взбѣгаетъ на пригорокъ, Конго замѣтилъ просвѣчивавшееся сквозь тайгу пламя и игриво взлетавшіе вверхъ надъ лѣсомъ клубы дыма, охваченные свѣтомъ яркаго огня.

— Гляди-гляди!—крикнулъ Унекану:—это чего же такое?..

— Это чего же такое?—и тотъ сказалъ, соскакивая съ оленя.

— Однако, Борька горитъ...

— Кому болѣ-то... Онъ, поди...

Постояли, посмотрѣли, вынули трубки, закурили и пощелкали отъ удивленія языками.

— Машка подожгла... — сказалъ жалобнымъ голосомъ Конго.

А Унеканъ твердо отвѣтилъ:

— Ты еще молодой, чего знаешь... Не Машка, а самъ начальникъ.

Конго, цѣпенѣя отъ удивленія, протяжно посвисталъ и тронулъ учуга ¹⁾. За нимъ поѣхалъ и старикъ, ведя ольгоунъ ²⁾.

Перейдя въ бродъ двѣ рѣчки и выбравшись на ровную и прямую тропинку, они окончательно припили въ себя.

Унеканъ ѣдетъ-ѣдетъ, да захихикаетъ, а самъ ничего не говоритъ. Конго ѣдетъ рядомъ, молча, и тоже улыбается, подражая старику.

Унекану нипочемъ, что забылъ тамъ, у дружка, серебряный для Чочакъ поясъ, что потерялъ двѣ дорогія лисьи шкуры: „Богъ опять дастъ“. Подвигается впередъ и не знаетъ, куда несетъ его олень, ночь ли, день ли теперь, не чувствуетъ, хотя въ тайгѣ темно. Гдѣ онъ, кто съ нимъ ѣдетъ и что-то говоритъ, кто онъ самъ, живъ или умеръ, сидитъ у костра или видитъ сонъ,—не понимаетъ: весь погрузился въ только-что пережитое, такое страшное и необычное, большое и угловатое, которое ни какъ не можетъ

¹⁾ Учукъ—верховой олень.

²⁾ Ольгунъ—связка оленей.

умѣститься разомъ въ его тунгусской душѣ, чистой и праведной, какъ душа ребенка.

Вдѣтъ Унеканъ, глаза закрыты, уста улыбаются и что-то шепчуть.

Словно осенній листопадъ, подхваченный порывомъ вѣтра, скачуть и вьются передъ нимъ и здоровенный, весь обросшій шерстью, кулачище судьи, и дикій Гришка съ высунутымъ краснымъ языкомъ, и кувыркомъ летящій къ стѣнѣ озорникъ Борька, и семеро рабочихъ, и дѣвка Машка,—весь этотъ кавардакъ то вихремъ вьется передъ смѣющимися закрытыми глазами стараго Унекана, то стелется по низу, сучить локтями, мечется изъ угла въ уголъ и натывается на этотъ страшный, какого еще бѣлый свѣтъ не родилъ, кулачище.

Унекану любо:

— Такъ, судья-батюшка, такъ... луни пунце... — шепчуть, кривясь улыбкой, его губы, душа играетъ у него и вдругъ, будто глухой ударъ въ шаманскій бубень, рокочетъ далекимъ громомъ чей-то голосъ: — Будешь тунгусовъ обирать?.. А?..

Старикъ открываетъ глаза, озирается: кто это? олень сказалъ, тайга сказала?—ищетъ скрывшагося за поворотомъ Конго, кричитъ ему:

— Конго, имиткаль... Имиткалѣ-ё-о-о!.. ¹⁾

Подъѣзжаетъ къ нему вплотную и, весь наполненный восторгомъ, глядитъ въ улыбающіеся лучистые глаза своего молодого друга, потомъ, наслаждаясь смысломъ своихъ словъ и хитро прицелкивая языкомъ, по-русски говоритъ:

— Справедливо обсуждать начальникъ-та... Борони Богъ, какъ шибка правильна...

— Обсуждать ладна...—вторить, захлебываясь отъ удовольствія, Конго.

И оба раскатываются гортаннымъ хохотомъ.

Но звенять слезы въ смѣхъ старика, гаснетъ молодой задоръ въ Конго.

Замолкли, словно струна порвалась въ сердцѣ и, тяжело вздохнувъ, двинулись впотьмахъ къ стойбищу.

Вяч. Шишкова.

¹⁾ Имиткаль—стой!